

Е.А. Попов

Образ исследователя в современной социологии

Образ исследователя в социологии – это проблема не только самой социологии, воспитывающей чувство социальности, ответственности за взгляд на действительность, профессиональную позицию в культурно-исторической эпохе, знаково смыкающую позитивные и негативные смыслы времени; это еще и инструмент идеологии, государства, экономики и всех тех потоков и сфер реальности, которые «перемальвают» окружающих – каждого человека, каждый социум. В этой ситуации возрастают требования к человеку-социологу, прежде всего актуализирующие медитативные особенности его бытования. А они чрезвычайно многомерны: каждая частичка мира открывает сложное переплетение разных – философских, гражданских, правовых, бытовых проблем, которые не решаются однозначно. Человек вне пространства социологии менее растерян – он сравнительно легко маневрирует в мире знаков, кодов, символов, растрачивая свою жизнь на их расшифровку. Человек-социолог ведет себя иначе. Он *должен* вести себя иначе. На это влияет масса тех или иных форм ответственности, груз профессиональной этики, мировоззренческого кредо и т.д. Это только *внутренний мир* социологического организма – тот, что остро рефлексивен, избирателен, умен, целенаправлен. В каждом из этих пунктов вырабатывается особый критерий «профессионализации», но результат, как правило, один – *методологическая травма*.

Очевидно, что исследователь-социолог находится сейчас на распутье строящейся социологии, которая и в начале XXI в. пока не может обрести некоего эпистемологического единства, потому что ищет, сверяет старые и новые истины, отказывается от убеждений и тем не менее очень осторожно, штрихами, иногда и поверхностно, иногда заблуждаясь и сомневаясь, очерчивает *образ* исследователя-социолога. Парадокс «большой науки», думающей, ищущей, но не обретшей в современности своего категорического «я», в том и состоит, по-видимому, что на главный вопрос – кто же он, исследователь-социолог? – ответ пока не получен. Искать можно везде, например в параллелях высшего социологического образования, которое, как известно, в последнее время заботят другие вопросы, поэтому все чаще оно оказывается в тупике.

В среде выдающихся ученых наших дней образ человека-социолога мистифицируется – он недосягаем, академичен, почти монументален, т.е. почти таков, каким он был и раньше – лет тридцать или сорок назад. Причина, возможно, кроется в том,

что социологический код XX в., занимавший умы «большой» социогуманитарной науки, был раскрыт на уровне парадигматическом: а какова социология в стиле «парадигматизма»? Не секрет, что до сих пор этот *социокод* актуален: кто однозначно признается в том, что социология – это монопарадигмальная (или полипарадигмальная) научная область? Нет и не будет единства в согласии с тем или иным утверждением. Не дает повода для оптимизма и приведение социологии к «эпистемическому» знаменателю, если иметь в виду сравнение социологической науки с неким *образом*, в котором воплощается «организация научных знаний о человеческом обществе, его структуре и закономерностях развития» [1, с. 6].

Образ науки, т.е. ее метафорический дискурс, на наш взгляд, ставит под сомнение многие приобретения исследовательских исканий, в том числе и в области социологии и социогуманитарного знания в целом. Поэтому профессионал в социологии становится обладателем многих не очень значимых качеств, к числу которых можно отнести и излишний апломб по поводу открытия чего-то заметного в «большой» социологии, а вместе с этим и острую рефлексию «от науки». Однако, как отмечает В.Д. Плахов, «создание эпистемологического образа социологии возможно только при условии профессиональной подготовки ученого-социолога» [1, с. 9]. Но это совершенно иной – дидактический – путь приращения социальности (и социальной культуры) в осмыслении общественных феноменов и бытия как такового. Путь научающий, абсолютно инструментальный. В этом случае профессиональная подготовка – это воспитание почтительности к классикам и их методам познания действительности, как учит история социологии, как повествует общая социология, как ранжируется почитание и возникает этический фон в отраслевых «социологиях». Следовательно, человек-социолог находится в профессиональной растерянности? Вовсе нет – спор внутри науки почти безличен: существует и тот, кто согласен с этим, и тот, кто возражает. В этом состоянии развивающегося знания исследователь-социолог располагается где-то рядом. В сущности это и есть самая сложная и противоречивая метафора социологии.

В другой известной ситуации исследователь-социолог как будто и не принимает никакого участия. Речь идет еще об одном вечном вопросе «большой» социологии: что сначала, или что важнее – теория или эмпирика? Значит ли, что теория находится позади

прикладного социологического начала? Возможно, что «предметная специфика гуманитарного знания представлена изучением высшей, наиболее сложно организованной социальной формы бытия» [2, с. 11], а всякий научный спор вокруг возможного вектора социологии еще более укрупняет, высвечивает образ полемиста, соревнующегося в отстаивании своего мнения, которое часто меняется. Кем здесь выступает социолог? Образ его мозаичен и многозначен: он бухгалтер и математик, подставляющий в известные формулы цифры человеческих сомнений, разочарований, потребностей, фальши – их ценности и ценностные ориентации; он философ, влюбленный в западную рефлексивную социологию XX в. и приемлющий только ее осмысленные образцы; наконец, он психолог, способный найти подход к эксперту по той или иной проблеме, к простому человеку и т.д. Этот вопрос, как нам кажется, актуализирует уровень культуры социального мышления и, в конечном итоге, выявляет способность делать обобщения профессионального социологического характера. Очевидно, что социолог, оперируя подсчетами человеческих потерь или приобретений в экономике, политике, духовной жизни и других областях и сферах бытия, способен изменить сам вектор общественного мнения. Совместить меру «человеческого духа» и резонансность, жизнеспособность тех или иных данных социологического исследования чрезвычайно просто технологически – в угоду кому-то или чему-то. Иногда приходится наблюдать такой уход в сферу резонерства: как часто истинная суть происходящих вокруг нас событий расходитя с тем, о чем пытаются рассказать нам социологи. Вопрос о недоверии – или скорее: об ответственности в социологии – не относится к числу «рефлексирующих», поскольку, например, «современная цивилизация не может ответить на такие важные и фундаментальные вопросы: *кто такой человек*, как он должен жить, *как высвободить и плодотворно использовать заключенный в нем творческий потенциал?* (курсив авторов цитаты. – Е.П.)» [3, с. 107], а в случае такого рода затруднения естественнее обращаться к данным экономики, политологии, других прикладных наук, исследующих мир сложных и противоречивых ситуаций в жизни человека и общества.

В последнее время теоретизирование в области «большой» социологии становится космологическим, все более напоминающим философские штудии – под сомнение ставится хоть «живая личность» (*нужна ли социологии жизни живая личность?* [4]), хоть сама жизнь (как у Лосева: *жизнь «есть бурлящая и клоко-чущая бессмыслица, апофеоз безумия»* [5, с. 27]) и т.д. По этой причине сомнения и размышления современных социологов все чаще касаются проблем «эмпирического концепта личности» [6, с. 11], в котором вытеснено все рефлексивное, эманлирующее. Социолог как *артикулированное сознание* (термин В.А. Кутырева),

сообщающееся с космосом, тайнами и загадками бытия, в которых запутываешься и умолкаешь – теряешь связь с социологической реальностью. Об этом пишут ученые на страницах социологических изданий, появляются и отдельные работы. По-видимому, это уже стало приметой времени.

С одной стороны, можно говорить о неиссякаемом интересе исследователей к проблеме воздействия постмодерна в различных его ипостасях и формах на человека, общественные процессы. И работы об этом в наибольшей степени затрудняют понимание сути человека-социолога; он здесь близок именно *артикулированному сознанию*. С другой стороны, путь от незнания к знанию в социологии еще более удлинился по той причине, что исследователи стали обращать особое внимание на шифры, коды, символы и знаки, которые поразили мир и закрепились как наука, так и знание в целом. Каждый исследователь-социолог ищет и открывает эти знаки и символы, испытывая иногда муки, подобные мукам ученого-естественника перед теоремой или формулой высшей алгебры. Это серьезный удар по социологической рецепции: сопоставление какого-либо закона общественной жизни с индивидуальным строем человеческого бытия подобно погружению в семантический континуум, где главное – увидеть смыслы и значения. По этому поводу размышляет Л.А. Гуцаленко: «...типизированные формы мышления и поведения индивидов формализуются в знаках, символах, нормах, ценностях и от имени не конкретных личностей, а социальных институтов адресуются поколенным контингентам, особенно поколениям будущим» [4, с. 7–8]. В.А. Бачинин, к примеру, считает, что «если витальная и социальная ипостаси человека видимы, то его духовная ипостась не столь очевидна, и ее обнаружение и *расшифровка* (курсив наш. – Е.П.) требуют усилий» [7, с. 128]. Между тем, действительно, общая тенденция социогуманитарного знания именно такова – «увидеть» взаимодействие общества, культуры и человека в радиусе *социокодов*, конвенционализация которых и есть насущная проблема социологической науки.

Из неочевидности вектора развития социологии в XXI столетии именно поиск и «разгадывание» сакральных смыслов или философствование остаются едва ли не единственным вариантом бытования исследователя-социолога. От идей символического интеракционизма и в целом социологии символов поступает импульс исследовательских исканий – это небольшая возможность сближения двух полюсов жизненного пространства – символического мира, в котором пребывает каждый человек, и научного кредо социолога, находящегося в плоскости той или иной парадигмы или частной теории либо не выходящего за их границы. Если к этому добавить ссылки на характер отечественной ментальности, то становится

ясным, насколько своеобразен путь современного социолога – «русская ментальность пронизана поисками онтологических (в том числе высших, сакральных) значений и смыслов, пытается **понять** (а не просто познать, объяснить, проанализировать) бытие...» (выделения автора цитаты. – *Е.П.*) [2, с. 161]. А если *понять* трудно или невозможно? Потому что мир развивается через *социокоды*, отступающие от всех существующих правил и закономерностей взаимодействия общества, культуры и человека. Это, разумеется, вовсе не означает, что они являются антинормами (аномией), скорее свидетельствует об усложнении реального мира, человеческого пространства, социологической науки в пике времени – новой эпохи.

Определенные трудности в современном восприятии образа человека-социолога составляет тенденция постмодерна (ПМ), проникающего во все элементы бытия человека, общества и культуры. Правда, стоит отметить, что в последние годы этот вектор анализа действительности – *постмодернистский* – все же заметно ослабевает (возможно, это связано со смертью Ж. Дерриды – последнего из выдающихся идеологов мирового постмодерна), однако социогуманитарный дискурс не может полностью освободиться от воздействия постмодерна. Часто возникают аллюзии относительно конца всего социального или вырождения социологии [8], связанные, конечно же, с проекцией ПМ на науку и в целом на образ жизни обществ и носителей культуры. Но преимущественно постмодерн дает множество возможностей для создания особого стиля социологических исследований, диапазон которых в его рамках практически никак не ограничивается, возникают ракурсы научных обобщений, которые, без сомнения, вне аналитического пространства постмодерна могли быть подвержены достаточно серьезной и в принципе обоснованной критике. Однако многие исследователи принимают постмодерн как возможность раскрыть самые настоящие сакральные смыслы многомерного знания о культуре, человеке, обществе и затрагивают достаточно сложные проблемы, требующие внимания современников (см.: [9–10] и др.).

Между тем постмодерн не позволяет однозначно охарактеризовать сам образ человека-социолога, как, впрочем, и каждого члена общества, поскольку усложняются рецепция мира, «артикулирующее сознание», увеличиваются все без исключения показатели и критерии индивидуального и коллективного существования. Можно говорить о том, что «современные носители культуры воспринимают мир все менее условно», а кроме того, и сам человек радикально изменился – «он не способен в принципе «раствориться» где-либо вообще – в природе ли, в космосе, в тайнах мироздания, наконец, в собственном мире тоже» [11, с. 120]. Это, с одной стороны, позволяет социологу мыслить широко и не стесняться себя в интерпретации

«показателей и критериев» (это давно стало приметой наших дней), но, с другой стороны, постмодернистская «линия бытия» предлагает проникнуть в самые потаённые стороны жизни, сакральные и интимные, биологические и психические, на которые классическая социология все же не обращала должного внимания или не проявляла к ним заметного интереса. Как известно, сам факт развития научной системы привел к выраженной дифференциации исторических и методологических форм социологического знания (имеется в виду становление и развитие классического, неклассического и постнеклассического типов научности в социологии). По-видимому, следуя логике, можно с большой долей уверенности говорить и о том, что в этом процессе существенны отзвуки и постмодерна, «состояние» которого, по мысли Ж.-Ф. Лиотара, оказало безусловное влияние на научную среду [12].

Социология в историческом развитии давно обрела статус *персоноцентричной* науки. Начиная с отцов социологии данная научная область приобрела масштаб индивидуальной ответственности великих мыслителей и современных исследователей за сказанное в социологии, за тот дух провинциализма, который часто ставят в вину социологии за ее пристрастие к политической конъюнктуре, за те противоречия, которые разделяют всех в едином научном пространстве в классическом варианте на ученых-физиков («прикладников») и ученых-лириков (теоретиков). Все это и есть «большая» социология, по-бахтински в Большом историческом времени. Но если учитывать, что социально мыслили все без исключения ученые и мудрецы в разные эпохи – от архаики до наших дней, социально мыслит практически каждый разумный человек, то предложить однозначную интерпретацию социокода (основы социологической науки) не представляется возможным. Вероятно, это объясняет достаточно заметный патетический дух в социологии со времен ее официального оформления в самостоятельную научную область. Приблизительно так же настроены и сами социологи – часто бравирование вокруг какой-нибудь социологической школы на протяжении десятилетий приводит к крушению идеалов (возможно, условному): либо дело не идет дальше теоретизирования вокруг основного концепта, либо постепенно сами основатели идеи через несколько лет начинают выступать оппонентами собственному детищу. Так рождается устойчивый жанр социальной научной публицистики *pro* и *contra*.

Исследователь в социологии – это как бы представитель «археологии гуманитарных наук». Он, может быть, позднее других гуманитариев обрел свободу мышления, но вместе с тем создал методологический фронт, всегда находящийся «на линии огня» в социогуманитарном знании. Именно в социологии высок дух соперничества, дискусионности, соци-

альной рефлексии, который передается всем другим научным сферам – от политологии до культурологии, где многое от социологии – прикладные методы, без использования которых невозможно выйти за границы методологической косности и декларативного теоретизирования, стремление очертить круг «вечных проблем», не имеющих однозначного решения вне дискурса поли/монопарадигмальности науки и т.д.

Рефлексия в социологии – понятие инструментальное, показывающее возможность достижения исследователем определенного «диалогового» состояния, а если рассматривать это явление шире, то оно может быть неотъемлемым условием становления гуманитарной методологии в социологической науке [2]. Диалог понимается неоднозначно, но почти всегда это позитивный акт коммуникации, получивший свое результирующее завершение, поскольку ни одна наука не согласится с тем, что она стоит на пути обретения своего завершающего наиважнейшего момента в развитии. Социологическая реальность открыта в широкое историческое пространство и не прекращает своего движения вперед. К сожалению, зачастую в социологии рефлексия крайне персоналистична, как и сама «большая» наука, о чем говорилось выше. Немаловажным элементом этой рефлексивности становится расщепление социологического братства и всей социально мыслящей общественности на «мононаправленные» союзы, ассоциации и объединения, разумного обмена мнениями между представителями которых часто невозможно достичь. Определенно, это приводит к утрате социологией в ее большом измерении некоего ключевого диалогового элемента, открывающего перспективы к дальнейшему развитию. Трудности в общении свидетельствуют о некотором кризисе социологии.

Человек-социолог в своем бытовании все время находится *на грани* поспешного обобщения, сомнения, заблуждения – грани его рефлексии подчеркиваются интериоризацией символов и тайн социального знания, которое, обобщая все планетарное, иногда не обращает должного внимания на онтологические характеристики человеческого и общественного развития. О ценностях говорится лишь в меру их соотношенности с принципами потребительства. В опросниках и анкетах вопросы о внутреннем мире человека не

пользуются популярностью, поскольку ответы на такие вопросы всегда вызывают сложности у респондентов. Даже на традиционный вопрос: *что такое культура?* – давно уже получаешь ожидаемый ответ: это все, что создано *руками* человека. Каждый носитель культуры более всего приближен к миру артефактов, миру потребительства. Интерпретировать такие данные сложно и невозможно – современный человек никак не соотносит свое существование со своим внутренним миром, а его жизненное пространство замкнуто на священных ритуалах вещного бытия.

В вопросах рефлексии и рецепции социологии необходимо, как думается, соотносить мир не с неким социокодом, содержащим переключку с тайнами бытия, еще не известными человеку, не с концептами, выстраиваемыми в соответствии с жесткими требованиями науки, как в социологии, развивающейся в границах преобладающего метода и зачастую не склонной апеллировать к онтологической концептуализации происходящих в действительности событий. Важно обращение к *социальному эпосу* – накопленному социальному опыту, который и в прошлом, и в настоящем подвержен жесточайшей критике теорий и концепций, составляющих основу развития социально-гуманитарного знания. А вместе с тем это течение времени, в котором первенствуют социальный конфликт, диспропорция событий, травестия социальных смыслов – все то, что движет социальную историю к некой абсолютной точке совпадения или несовпадения человека, общества и культуры. Событие в *социальном эпосе* разделено извечным противостоянием духовного-бездуховного. С одной стороны, оно мистифицируется как исторический анахронизм, с другой же – разворачивается в социальной перспективе, не различая ценностей и антиценностей, норм и антинорм, правды и лжи, витального и танатального и т.д. Иными словами, в социальном эпосе духовное-бездуховное практически и принципиально неразличимы. Этот принцип согласуется с концепцией жизни человека – современный человек не имеет возможности расшифровать многоликие системы культуры и тем самым оказывается ближе к общественным интересам, которые предполагают большую возможность договориться, найти «золотую середину», решить свои насущные проблемы и вопросы.

Библиографический список

1. Плахов, В.Д. Социология: эпистемы и эпистемология / В.Д. Плахов // Социологические исследования. – 2007. – №11.
2. Коростелева, О.Т. Становление гуманитарной методологии в социологической науке / О.Т. Коростелева. – Барнаул, 2005.
3. Разин, А.А. Человек – главная ценность общества / А.А. Разин, Р.А. Разин, В.Е. Шудегов // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – №2.
4. Гуцаленко, Л.А. Нужна ли социологии жизни живая личность / Л.А. Гуцаленко // Социологические исследования. – 2003. – №10.
5. Лосев, А.Ф. Страсть к диалектике / А.Ф. Лосев. – М., 1990.

6. Кутырев, В.А. От какого наследства мы не отказываемся / В.А. Кутырев // Человек. – 2005. – №2.

7. Бачинин, В.А. Антропосоциология и метафизика портрета / В.А. Бачинин // Человек. – 2004. – №4.

8. Иноземцев, В.Л. Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 1998. – №9.

9. Бауман, З. Философия и постмодернистская социология / З. Бауман // Вопросы философии. – 1993. – №3.

10. Христофорова, О. Социальный факт и социологические методологии в ситуации постмодерна / О. Христофорова // Логос. – 2005. – №2.

11. Попов, Е.А. Социология искусства: проблема становления / Е.А. Попов // Социологические исследования. – 2007. – №9.

12. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. – М., 1998.